

УДК 811.133.1:81'373
ББК 81.471.1

К ВОПРОСУ О ДЕРИВАТИВНЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЛЕКСЕМОЙ И ФРАЗЕОЛЕКСОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

М.П. Андреева

В статье рассматриваются деривативные отношения лексемы и фразеолексы, на основе которых образуется самостоятельная лексическая единица с новым значением.

Ключевые слова: деривация, лексема, фразеолекса, фразеологическая единица, лексикализация, символическое значение фразеолексы.

Система языка, пребывая в постоянном движении, пополняется новыми значениями, которые образуются не только на базе лексемы (создавая полисемию), но и на базе фразеологизма. Поскольку фразеологизм представляет собой раздельнооформленную единицу языка, характеризующуюся полным или частичным семантическим преобразованием компонентов [11, с. 42], то естественным является интерес лингвистов к изучению процесса семантического обогащения лексемы вследствие ее функционирования во фразеологизме. Данная статья посвящена рассмотрению деривативных отношений лексемы и фразеолексы, понимаемой как несамостоятельная единица языка, функционирующая только в составе фразеологизма [7, с. 92], на основе которой образуется самостоятельная лексема с новым значением.

Еще в первой половине XX в. В.В. Виноградов отмечал, что фразеологизм является «не только продуктом окаменения и изоляции слов, но и источником рождения новых слов», в чем находит отражение «тесная связь идиоматики и фразеологии с лексикологией» [6, с. 122]. Взаимовлияние фразеолексы и фразеологической единицы отмечал Б.А. Ларин, он, в частности, писал о «прибавочной стоимости», которую вырабатывают фразеолексы,

функционируя в едином смысловом комплексе, и которая стремится им (фразеолексам) что-то «передать» [8, с. 215]. Вследствие этого фразеолекса может концентрировать в себе значение всего фразеологизма и, по выражению О.С. Ахмановой, стать «потенциальным словом» [5, с. 171], или освобожденным компонентом фразеологической единицы (ФЕ), несущим в себе «реминисценцию целостного значения идиомы» [3, с. 90].

На современном этапе развития фразеологии исследование постфразеологической деривации стало предметом лингвистического анализа в трудах Н.Ф. Алефиренко, М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусовой, О.И. Литвинниковой, Е.Н. Ермаковой, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.А. Стишова, М.Б. Ташлыкковой и др. На материале французского языка данный вопрос рассматривается в работах Н.Н. Кирилловой, А.Г. Назаряна, Г.Г. Соколовой. Тем не менее до сих пор термин «постфразеологическая деривация» [7], или «отфразеологическая лексическая деривация» [1], не имеет однозначного определения. В данной статье постфразеологическая деривация понимается как результат превращения фразеолексы из односторонней единицы в двустороннюю, то есть как лексикализация компонента ФЕ, наполнение его новым содержанием. Например, фразеолекса *tuile* сконцентрировала в себе значение пяти фразеологизмов 'неожиданная неприятность': *c'est la tuile, en voilà une tuile* ('вот какая неприятность').

Как правило, новое содержание, протекающее из фразеологизма, имея в своей основе предметно-чувственное отражение первичного десигната в сознании человека [2, с. 54], имеет образную природу, что придает «его» фразеолексе символический характер и превращает ее во фразеосимвол. Очень часто символ, как и образ, зарождается в слове еще до того, как оно получает новое значение на основе этого символа. Это связано со способностью человека создавать символы из окружающей его среды, наделять вещи, явления, события чертами и свойствами, которые он сам им приписал в силу их «непонятности» и их обожествления [12, с. 53].

Характерной особенностью фразеологизмов, по словам А. Рея, является то, что как только их значение становится фиксированным и константным, оно порождает новые коннотативные семы, варьирующиеся в зависимости от эпохи и компетенции говорящего [17, с. XVIII–XX]. Психологическую основу сигнификативно-коннотативного значения ФЕ составляют ассоциации и образы, формирующие в языке ассоциативные значения и образные представления соответственно. Ассоциативные связи имеют психофизиологическую природу и формируются в мозгу при образовании и генерализации условных рефлексов [10, р. 38]. Под ассоциативным значением фразеолексы понимаем некое новое значение, формирующееся в одной и той же фразеолексе ряда фразеологизмов разной семантики, но с общей гиперсемой.

Образное значение фразеолексы в свете его соотношения с символическим значением описано Т.З. Черданцевой. Рассматривая фразеологически обусловленное значение фразеолексы как один из этапов становления символа на базе фразеологизма, автор выделяет два его вида: образное и символическое.

Первое основано на интралингвистическом характере его мотивированности, второе – на экстралингвистическом [12, с. 51–57]. Символическое значение во фразеолексе может сформироваться на основе образных представлений при условии наличия изоморфизма, при котором материальная форма фразеолексы закреплена за ее новым содержанием [7, с. 186–187]. Основными факторами, способствующими развитию во фразеолексе изоморфизма, являются фонетический, семантический

и синтаксический. Членимость фразеологизма на фонетическом уровне обуславливает свойство фразеолексы быть элементом фонетической сегментации фразеологизма, иметь не только ритмическое, но и логическое ударение. Основным условием изоморфизма во фразеолексе является ее семантическое приращение, при котором происходит вытеснение старого содержания новым. Свидетельством определенной дискретности нового плана содержания являются структурные перестановки в рамках фразеологизма. Например: *Si la figure d'une femme est difficilement saisissable... et les nuages la modifient selon la position sociale... quel rideau plus épais encore est tiré entre les actions d'elle que nous voyons et ses mobiles!* [16, с. 216], где использована ФЕ *tirer le rideau (sur qqch.)* 'обойти молчанием, скрыть что-либо' с акцентацией именного компонента.

Исходя из вышесказанного, под фразеосимволами понимаются фразеолексы, в которых есть соответствия членения плана выражения плану содержания во фразеологизме, благодаря чему фразеолекса приобретает способность к окказиональным структурным преобразованиям в рамках фразеологизма. При этом символическое значение фразеологизма является дискретным, а ассоциативное – недискретным, в чем и заключается их отличие друг от друга. С учетом этих данных при определении значения во фразеолексе как символического мы избрали следующий критерий – наличие фонетического, семантического и синтаксического факторов, способствующих развитию изоморфизма во фразеологизме.

Формирование нового содержания во фразеолексе является процессом. Этот процесс проходит четыре этапа: 1) растворение фразеолексы в ФЕ; 2) образование общего ассоциативного значения в одной и той же фразеолексе нескольких фразеологизмов; 3) формирование символических значений; 4) образование фразеосимвола [7, с. 189–195]. В результате постфразеологической деривации вычленяется лексема с прежним означающим, но с новым означаемым и, если продолжить дефиницию лексем по Ю.Д. Апресяну, «со своими синтактикой и прагматикой» [4, с. 55].

Этапы фразеосемантической эволюции фразеолексы рассмотрим на материале фра-

зеологизмов фразеотематического поля «жилище», включающего 660 ФЕ. Фразеотематическое поле представляет собой совокупность фразеологических парадигм (фразеологизмов с одной и той же фразеолексой), соотносящихся с лексемами названного тематического поля. Например, в нашу выборку вошли фразеологизмы с компонентами: *maison* 'дом', *cabane* 'хижина', *hôtel* 'отель', *chambre* 'комната', *cuisine* 'кухня', *façade* 'фасад', *balcon* 'балкон', *toit* 'крыша', *parquet* 'паркет' и др. Учитывая тенденцию к образованию в языке преимущественно номинализованных отфразеологических дериватов [9, с. 17], мы исследуем образование нового содержания именно в субстантивной тематической фразеолексе, относящейся к жилищу.

На первом этапе образования символического значения во фразеолексе происходит ее растворение во фразеологизме, что свидетельствует о смысловой неразложимости фразеологизма. Примером растворения в ФЕ может служить фразеолекса *crémaillère* фразеологизма *pendre la crémaillère*, сигнификат которого можно сформулировать как 'справлять новоселье', а дословное значение – 'вешать крюк для котла (для приготовления пищи)' (*crémaillère* восходит к лат. *cramaculus* 'подвешенный'). Установим мотивацию данного фразеологизма исходя из определения мотивированности в теории идиоэтнической фразеологии связью интерпретанты (воздействия, в силу которого данная вещь является знаком для интерпретатора) с префразеологическим аспектом первичной ситуации (логико-семантическим аспектом восприятия и интерпретации объективной ситуации). Первичная ситуация «подвесить котел к потолку очага» значит: а) 'просушить новое жилье', б) 'приготовить пищу', в) 'организовать праздник по поводу нового жилья'. Из приведенных значений только третье можно назвать префразеологическим, поскольку данная интерпретация сформировала фразеологизм. Первые две интерпретации не стали фразеологическими. Причины этой избирательности объясняются особенностями национального коллективного сознания по освоению объективной действительности путем номинации, в данном случае фразеологической. Процесс фразеологического селекционирования происходит под влиянием социального фак-

тора. В наборе значений рассмотренной ФЕ отражены как биологический аспект существования человека (первые две интерпретанты), так и социальный (третья интерпретанта). Однако именно социальный фактор сыграл решающую роль в становлении новой языковой единицы – фразеологической. Первобытный способ приготовления пищи превратился в социальную традицию, закрепленную во фразеологизме *pendre la crémaillère: Il écrivit donc à tous les quatre de venir pendre la crémaillère le dimanche suivant, à onze heures juste...* [14, р. 98]. Данный глагольный фразеологизм существует и в субстантивной форме *pendaison de crémaillère* с семантически производным значением 'праздник новоселья', что отражает востребованность данной ФЕ во французском социуме.

Фразеологизм *essuyer les plâtres* в значении 'поселиться в новом доме, отпраздновать новоселье' имеет иную мотивацию. Префразеологическим аспектом первичной ситуации, способствующей зарождению нового фразеологического значения, является значение 'просушить новое жилище'. Человек, который первым въезжает в новый непросушенный дом, ощущает влажность и неприятный запах, источаемый штукатуркой, что причиняет ему физические неудобства. Значение ФЕ *essuyer les plâtres* 'поселиться в новом доме' является результатом метонимического переноса «часть – целое», где глагол *essuyer* сохраняет сему 'просушить', а существительное *plâtres* используется в значении 'жилище'. Значение данного фразеологизма 'первым нарваться на неприятности' в отличие от исходного имеет экстралингвистическую мотивацию и основывается на полном переосмыслении ситуации проживания в непросушенном доме как чего-то неблагоприятного [17, р. 733].

На втором этапе семантического приращения во фразеолексе ряда фразеологизмов образуются ассоциативные значения. Например, в серии фразеологизмов с фразеолексой *clef* (от лексемы *clef* 'ключ') сформировалась ассоциация «свобода»: *clef des champs* 'воля, свобода' (разг.); *prendre la clef des champs* 'убежать, вырваться на свободу'; *avoir la clef des champs* 'быть вольной птицей, обладать полной свободой передвижения'; *mettre la clef sous la porte* (или *sous le paillasson*)

1) 'скрыться, незаметно исчезнуть'; 2) 'закрыть лавочку, объявить себя банкротом'; *mettre sous clef* 'держатъ взаперти, под замком' и др. Как отмечает А. Рей, в основе значения фразеологизма *clef des champs* (букв. 'ключ от полей') лежит не образ поля как «закрытого» пространства, которое может быть «открыто» ключом, а образ ключа, с помощью которого можно выйти из запертого помещения и оказаться на свободе [17, р. 202–203]. По-другому мотивируется фразеологизм *la clé du champ de tir* (досл. 'ключ от района расположения пунктов взрыва') 'тщетные, пустые поиски (чего-либо) ≈ ищи ветра в поле'. Происходит переосмысление компонента *champ de tir* 'открытое, но ограниченное каким-либо пределом пространство' → 'помещение, которым можно воспользоваться для того, чтобы подшутить над новобранцем в армии' (связано с казарменной забавой посылать новичка на поиски чего-либо несуществующего).

Иллюстрацией факта образования ассоциативного значения у фразеологизма также может служить фразеологическая парадигма *plafond*, где только в одном случае лексема *plafond* выражает значение 'потолок, перекрытие'. В остальных случаях фразеологизм *plafond* наравне с *cerveau* 'мозг', *tête* 'голова', *coloquinte* 'горькая тыква', *tourte* 'круглый пирог', *beffroi* 'каланча, дозорная башня', *case* 'хижина' и др. участвует в формировании сем, характеризующих ментальные особенности: 'не в себе, со странностями'. Лежащая в основе фразеологизма (*être*) *bas de plafond* (досл. 'иметь низкий потолок') 'болван' (прост.) пространственная метафора, где *plafond* имеет значение 'голова, череп', отображает стереотипное представление о низком лбе как маркере слабого интеллекта [17, р. 728]. Образ нарушения работы мозга посредством вмешательства посторонних элементов, таких как паук, летучая мышь, майский жук и др. составляет первичный десигнат следующих фразеологизмов: *avoir l'araignée au (dans le) plafond* (досл. 'иметь на/в потолке паука') 'быть не в себе, быть чудаковатым' (разг.), *avoir des chauves-souris dans le plafond* (досл. 'иметь на потолке летучую мышь') 'быть того, психом' (прост.), *avoir un hanneton dans le plafond*

разг. (досл. 'иметь майского жука на потолке') 'иметь причуды, странности; быть не вполне нормальным' и др. [17, р. 145].

Во фразеологизмах парадигмы *mur* 'стена' образуются два ассоциативных значения: 'разрушение' и 'препятствие, преграда', из которых первое так и остается ассоциативным, а второе становится символическим. Ассоциация разрушения, провала сформировалась в ФЕ: *aller, foncer (droit) dans le mur* (букв. 'идти, углубляться прямо в стену') 'идти к провалу'; *coller qqn. au mur* (досл. 'приклеить кого-л. к стене') 'поставить кого-л. к стенке, расстрелять'; *raser les murs* (досл. 'брить стены') 'идти, красться вдоль стен, снести до основания' и др. В основе значений вышеназванных фразеологизмов лежат тропы, например, в первой ФЕ – метафора: образ автомобиля, врезающегося в стену; во второй ФЕ – литота и метонимия: намек на стену, к которой ставили приговоренного к смертной казни человека перед тем, как его расстрелять [17, р. 621].

В означаемом фразеологизма *mur* как результат социального осмысления ее значимости возникает также коннотативная сема 'препятствие, преграда', объединившая фразеологизмы: *mur d'airain de séparation* 'непреодолимое препятствие'; *un mur d'incompréhension* 'полное непонимание'; *se heurter à un mur* 'наткнуться на непреодолимое препятствие'; *mettre un mur entre...* 'вырыть пропасть между...'; *se mettre le dos au mur* 'оказаться в безвыходном положении (по собственной вине)'; *parler à un mur* 'говорить как стене, как об стенку горох'; *tirer au mur* 'делать упражнения со стенкой, бороться с противником, который не отвечает на удары' (фехт.) и др. Символическое значение фразеологизма *mur* 'препятствие, трудность' сформировалось на основе образного значения стены как тупика, безвыходной ситуации [17, р. 621]. Будучи членимыми на фонетическом, синтаксическом и семантическом уровне, фразеологизмы данной парадигмы используются в художественной литературе в трансформированном виде. *Mis par ledit Sharp au pied du mur, il avait pu s'assurer en frémissant qu'avec un adversaire de moins bonne composition que le docteur Sarrasin...* [18, р. 26]. Как следует

из приведенного примера, фразеологизм *mettre qn au pied du mur* несмотря на дистантное расположение его компонентов сохраняет свое коннотативное содержание 'поставить кого-л. в тупик'. Сконцентрировав в себе значения вышеперечисленных фразеологизмов, фразеолокса *mur* превратилась во фразеосимвол *c'est un mur* 'его ничем не проймешь, это глухая стена'. Во французском толковом словаре отмечены такие значения лексемы *mur*, как 'obstacle à la communication, à la compréhension entre les personnes', 'personne insensible qui ne se laisse pas émouvoir, qui refuse la communication' [15] (ср. иную ассоциацию – безопасности – в русском фразеологизме *как за каменной стеной* 'в полной безопасности', *надеяться на каменную стену* 'целиком надеяться, полагаться').

Как символическое мы также квалифицируем значение 'ключ, отгадка, объяснение', сформировавшееся во фразеолоксе *clef* во фразеологизмах: *clef de l'énigme* 'разгадка'; *la clef des songes* 'толкователь снов'; *avoir la clef de qqch.* 'иметь, знать ключ к решению, пониманию чего-либо'; *la clé du succès* 'ключ к победе, к успеху'; *roman à clef* 'зашифрованный роман'. Окказиональные употребления фразеологизмов с *clef*, а именно замена компонента ФЕ другим словом, дистантное расположение компонентов, связанное с их смысловым выделением, синтаксическая инверсия и др., свидетельствуют о том, что фразеолокса *clef*, утратив самостоятельность лексемы, снова стремится к самостоятельности. Все вышесказанное, а также тот факт, что в словарной статье *clef* франкоязычного словаря Larousse зафиксировано значение 'ce qui permet de résoudre quelque chose, de le comprendre' [15], позволяют расценивать лексему *clef* как фразеосимвол.

В результате исследования фразеологизмов тематического поля «жилище» на предмет формирования символического значения во фразеолоксе было выявлено, что большинство фразеолокс претерпевают растворение в «своих» фразеологизмах (71 % – 469 ФЕ), а ассоциативные значения формируются только у четверти фразеолокс (26 % – 171 ФЕ). Наличие в рассмотренном фразеотематическом поле фразеолокс с символичес-

ким значением, несмотря на их малочисленность, позволяет сделать вывод о функциональной нагрузке фразеолоксы при образовании в ней одного из аспектов значения. Окказиональное употребление отдельными авторами таких лексем, как *mur*, *clef* и др., образованных от фразеологизмов, со временем становится общеупотребительным, выражая новые смысловые оттенки и свидетельствуя о том, что фразеология современного французского языка является источником обогащения его словарного состава.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко, М. А. Фразеология как источник пополнения словарного запаса языка / М. А. Алексеенко // Проблемы фразеологической и лексической семантики : материалы Междунар. науч. конф. (Кострома, 18–20 марта 2004 г.). – М. : ИТИ Технологии, 2004. – С. 35–41.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во Белгор. ун-та, 2008. – 152 с.
3. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 206 с.
4. Апресян, Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян ; под ред. Ю. Д. Апресяна. – М. : Яз. слав. культур, 2006 – 912 с.
5. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
6. Виноградов, В. В. Современный русский язык (Введение в грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Вып. 1. – М. : Учпедгиз, 1938. – 160 с.
7. Кириллова, Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект : монография / Н. Н. Кириллова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Ч. 1: Природа и космос. – 319 с.
8. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избр. работы : учеб. пособие для студ. фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.
9. Мелерович, А. М. Концептообразующее функционирование отфразеологических символов и система их фиксации в словаре «Фразеологизмы в русской речи» / А. М. Мелерович // Проблемы фразеологической и лексической семантики : материалы Междунар. науч. конф. (Кострома, 18–

20 марта 2004 г.). – М. : ИТИ Технологии, 2004. – С. 16–21.

10. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – М. : Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.

11. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1987. – 288 с.

12. Черданцева, Т. З. Итальянская фразеология и итальянцы / Т. З. Черданцева. – М. : ЧеРо, 2000. – 303 с.

13. Dictionnaire Hachette illustré. – P. : Hachette, 2007. – 1858 p.

14. Flaubert, G. L'Éducation sentimentale / G. Flaubert. – P. : Éditions eBooksFrance, 2000. – 322 p.

15. Larousse. Version électronique. Lexis Larousse de la langue française. – P. : Editions Larousse, 2005. – 2124 p.

16. Proust, M. À la recherche du temps perdu / M. Proust. – М. : Прогресс, 1970. – 436 с.

17. Rey, A. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. – P. : Dictionnaires LE ROBERT, 1984. – XXVII, 1035 p.

18. Verne, J. Les cinq cents millions de la Begum / J. Verne. – P. : Éditions eBooksFrance, 2000. – 109 p.

ON THE ISSUE OF DERIVATIVE CONNECTION BETWEEN LEXEME AND PHRASEOLEXEME IN FRENCH

M.P. Andreeva

The author investigates derivative relations between a lexeme and a phraseolexeme leading to formation of an independent lexical unit with a new meaning.

Key words: *derivation, lexeme, phraseolexeme, phraseological unit, lexicalisation, symbolic sense of phraseolexeme.*